

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ЭО, 2006 г., № 3

© П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова. Этничность и социальная работа: анализ учебной литературы.

Анализ отечественных учебных пособий по социальной политике и социальной работе показывает, что проявляющийся в них дискурс о мультикультурализме, антидискриминационной практике и правах человека следует современной политической риторике и в некоторой степени отражает развитие исследований в данной области. Однако налицо далеко не полностью реализованный потенциал дальнейшего углубления рефлексии и усовершенствования учебной литературы по данным вопросам. В статье приводятся свидетельства когнитивных ловушек и противоречивых логических посылок из учебных пособий, демонстрирующие риторический разрыв между идеалами гуманизма и задачами социальной критики, с одной стороны, и биологизаторскими и репрессивными установками авторов, с другой.

Введение

Внимание к этничности в учебной литературе по специальности "Социальная работа" выступает для нас одним из признаков (наряду с гендером и инвалидностью) культурной сенситивности и информированности о правах человека как важнейших профессиональных атрибутах новой профессии. Речь идет не только об обучении студентов толерантности к разным культурам, пониманию и признанию разнообразия (*Уолцер* 2000: 88–89), но и о развитии профессиональных навыков – распознавать дискриминацию и стремиться к соблюдению прав человека. Н. Рагозин предлагает при оценке преподавания прав человека выделять минимальный и оптимальный уровни развития способности суждения в области прав человека (*Рагозин* 2002: 289–290). Минимальный уровень относится к способности распознавать в общественной и политической жизни явления индивидуальной, групповой и институциональной дискриминации людей по признакам расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения. Оптимальный уровень – это готовность и навыки самостоятельного поиска путей и средств установления недискриминационных отношений с людьми, знание способов реализации и защиты прав человека на национальном, региональном и глобальном уровнях. Достижение минимального уровня компетентности в области прав человека – это, по Рагозину, пропедевтический этап в преподавании, который, в свою очередь, может быть условно представлен в позитивном и негативном аспектах (Там же: 289–290). Если позитивная пропедевтика нацелена на познание различий и уважение инаковости, формирование толерантности, то негативная – на выработку навыков преодоления предрассудков, предрассудков и дискриминации.

В нашем исследовании в качестве категории анализа выступает оценочная нагрузка высказываний об этничности, символы или дискурс этничности в учебной литературе по социальной политике и социальной работе. Ключевые признаки понятия этничности – идентификация и наименование любой группы или категории людей, а также эксплицитные или имплицитные контрасты, дискурсивно создаваемые между одной и другой группой или категорией. Рабочими единицами анализа в учебной литературе стали этнические персонажи, квалифицируемые определенным об-

Павел Васильевич Романов – доктор социальных наук, профессор кафедры социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета, директор Центра социальной политики и гендерных исследований.

Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова – доктор социальных наук, профессор, заведующая кафедрой социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета.

разом, а также направления социальной политики и формы социальной работы, описание которых затрагивает те или иные смысловые аспекты этничности, оперирование такими понятиями, как "этнографический", "национальный", "этнос", "культурные традиции", "культурные различия", а также понятием "конфессиональная идентичность", которое в массовом сознании коннотирует с этнической идентичностью ("православие – русские").

В качестве единицы анализа выступает и само учебное пособие, если оно целиком посвящено проблематике этничности, а также раздел учебного пособия или более мелкий его фрагмент, затрагивающие интересующую нас тему. В этом случае мы можем назвать логически завершенное смысловое пространство единицей контекста (Федотова 2001). Здесь следует посмотреть и на объем внимания, уделяемого проблеме этничности в рамках отдельного пособия или раздела, и на наличие нужных понятий в оглавлении книги.

Атрибуты этничности входят в дидактические единицы в расшифровках ряда учебных дисциплин государственного образовательного стандарта специальности "Социальная работа" второго поколения, утвержденного в 2000 г. Тогда же в учебных пособиях по социальной работе начинает формироваться специфический дискурс этничности. В Госстандарте, например, присутствуют такие сюжеты, как "этнографические вопросы старения человека" (дисциплина "Социальная геронтология"), "этнографическая характеристика" (Проблемы социальной работы с молодежью), "этнокультурные процессы становления русской государственности" (История), "Этнографические аспекты социальной политики" (Социальная политика).

Мы проанализировали 42 учебных пособия по основным и специальным курсам учебного плана специальности "Социальная работа", изданных в 1999–2004 гг. Все отобранные для анализа источники вышли в свет в крупных издательских компаниях Москвы и Санкт-Петербурга, 26 изданий имеют гриф – рекомендацию, выданную авторитетной организацией, оказывающей ключевое влияние на образовательную политику (УМО или Минобразования России).

Невидимые различия

Весь корпус учебной литературы по итогам анализа можно условно разделить на четыре группы по степени присутствия категории этничности в учебном тексте. К *первой группе* мы отнесли те издания, которые умалчивают об этничности. Таких изданий оказалось 18, причем среди них и те, которые должны были бы содержать аспекты этнографической специфики изучаемого феномена, судя по приводимым в Госстандарте дидактическим единицам (в частности издания по социальной геронтологии и социальной политике). Проблематика управления в социальной сфере тоже в разрезе этничности в учебной литературе не раскрывается. Хотя учебник "Социальный менеджмент" содержит интересующие нас темы, например, "традиции", и в структуре книги есть отдельный параграф "Традиции как объект и средство социального менеджмента" (Макашева, Калиникова 2002: 146–151), это понятие раскрывается исключительно в аспекте традиций производственного коллектива.

Отсутствие символов этничности является признаком, по которому мы классифицируем материал. Умолчание может быть расценено либо как идеологически нейтральная, либо как слепая идеологическая позиция. В пользу первой стратегии – идея В. Малахова относительно того, что «средоточие политик культурного плюрализма в демократическом обществе образует не поощрение "диалога" между этнолингвистическими и этноконфессиональными группами, а формирование общего коммуникационного пространства, которое по своей природе надэтнично» (Малахов 2002а: 59). В самом деле, целый ряд аспектов образования по социальной работе не требует никакого специального акцента на этнических различиях, что и демонстрируют многие пособия (Антоньева 2002; Золотарева, Минигалиева 2001; Маршинин 2002; Мардахаев 2001).

Вместе с тем некоторые издания, хотя и разрабатывают этнически чувствительную тематику, демонстрируют слепую идеологическую позицию, очевидно, ввиду исторически сложившихся и уже не замечаемых отношений неравенства между доминирующими этническими группами и меньшинствами. В постсоветском контексте необходим пересмотр формата обсуждения, сложившегося в царской, в последующем – советской традиции, где российское представлено как сино-

ним русского (пример такой традиции – формирование концепта "единая общность советский народ"). Слепота здесь заключается в игнорировании культурного многообразия, несбалансированной репрезентации какой-либо одной (как правило, доминирующей) религии, культурной традиции. Отсутствие этнического разнообразия в этом случае означает негласное символическое закрепление властных позиций доминирующей группы. В частности, учебные пособия по истории социальной работы (Фирсов 2001; Мельников, Холостова 2002) представляют довольно типичный метанарратив, который способствует формированию монокультурной профессиональной идентичности: здесь эволюция общинной, церковной и государственной социальной поддержки, начавшись со славян-язычников, в течение дальнейшего периода вплоть до социалистической революции наблюдается по делам православной церкви и монастырей. Никаких культурных различий в связи с этничностью или конфессией не просматривается и в ходе советской истории социального обеспечения.

Этничность в постраничной сноске

Во вторую группу вошли те образцы учебной литературы, где категория этничности не выделяется в качестве темы структурной единицы текста – раздела, параграфа, главы, – но затрагиваются ее понятийные области. В нашей выборке оказалось 15 таких изданий.

В учебном пособии "Социальная работа с осужденными" нет специальных разделов, в которых бы раскрывалось смысловое поле этничности. Однако в главу "Социальная работа с осужденными в пенитенциарных учреждениях" включен параграф "Педагогические аспекты социальной работы в исправительном учреждении", где на 24 страницах излагаются соображения по религиозной программе деятельности попечительского совета как одной из форм социальной работы с заключенными (Социальная работа с осужденными 2002: 126–151).

Индивиды и группы, являющиеся объектом внимания социального работника, мыслятся как субъекты теологических категорий, этим обусловлен и специфический характер дискриминации в религиозной сфере: говорится здесь исключительно о роли христианской церкви в воспитательной работе с осужденными. Между тем в начале учебного пособия авторы утверждали, что социальный работник обязан "стремиться, чтобы все люди имели свободу выбора и доступа к необходимым им средствам и услугам", а также, что "в соответствии с конституционными положениями нормы уголовно-исполнительного кодекса не устанавливают каких-либо ограничений для осужденных в зависимости от пола, расы, национальной принадлежности, религиозных и политических убеждений, социального происхождения, имущественного положения" (Там же: 57, 37).

Учебное пособие "Этика социальной работы" не содержит специально выделенных глав или параграфов, посвященных интересующей нас теме. Однако аспекты этничности здесь все же встречаются. Так, автор полагает, что "этические кодексы социальной работы не могут не иметь различий, связанных со спецификой менталитета различных народов, их национальными обычаями и традициями, уровнем социально-экономического развития и статусом социальной работы в обществе" (Медведева 2002: 108). Автор тем самым поднимает важный и неоднозначный вопрос о социокультурной специфике этических принципов социальной работы. Благодаря деятельности Международной Федерации социальных работников согласован универсальный набор ценностей и этических принципов социальной работы, принятый странами, имеющими ассоциативное членство в этой организации.

Сложно представить, что социальный работник может быть менее справедлив там, где выше уровень бедности, либо ввиду специфики культурных традиций региона или группы. Однако универсальные принципы создают лишь общий "формат" социальной работы, а их применение на практике во многих случаях требует от специалиста знания и учета культурных особенностей – местных традиций оказания медицинской и социальной помощи, а также предрассудков, вредных для здоровья мужчин и женщин; знания и уважения сложившихся норм поведения – отношений между полами, людьми разных возрастов и статусов; рефлексивное отношение к межкультурным стереотипам и установкам, сложившимся в собственной культуре (например, известна критика воззрений европейских феминисток относительно порабощения мусульманских женщин); умения

видеть и мобилизовать этнокультурные ресурсы социальной помощи, например, традиции соседской поддержки в узбекской соседской общине (махалле).

Среди основных принципов американского кодекса исследований человека автор выделяет "уважение к индивидам и группам, являющимся объектом исследования", где речь идет о личной ответственности исследователя за то, чтобы его "обращение с гражданами, принимающими участие в исследовании, независимо от их социального, психического, экономического статуса, независимо от взглядов и убеждений и т.п., соответствовало этическим нормам" (Там же: 114). К сожалению, в этом пособии нет упоминаний о тех правах из Всемирной декларации прав человека и соответствующих им принципов этики социальной работы, где говорится об уважении достоинства, независимо от различий. Зато упоминаются не менее важные принципы: "отсутствие предрассудков и предрассудков в отношении клиента" (Там же: 66) и "принятие клиента таким, каков он есть" (Там же: 62). Этничность здесь не упоминается.

В учебных пособиях по психологии социальной работы упоминания этничности в аспектах этнокультурной специфики или прав человека мимолетны либо отсутствуют. В пособии "Психология социальной работы: содержание и методы психосоциальной практики" перечисляются основные ценности и этические принципы профессии, среди которых – "уважение к индивидуальным и групповым различиям, достойное их оценивание" (*Фирсов, Шаниро* 2002: 78). И хотя прямого указания на этнические и расовые особенности мы не находим, все же само упоминание "различий" может способствовать контекстуализации недискриминационного подхода и культурной сенситивности.

Несколько раз говорится здесь о вкладе Дж. Аддамс в развитие стратегий социальной работы в конце XIX в., однако тот факт, что она работала с женщинами-иммигрантками из разных этнических групп, видимо, показался авторам несущественным.

Авторы учебного пособия "Психология социальной работы" обращаются к категориям этничности и расы в параграфе "Современный структурный подход в социальной работе". Здесь говорится о необходимости распознавания индивидуального и институционального расизма, сексизма, важности применения антирасистской практики и развития недискриминационных политик и практик, направленных против угнетения (*Гулина* 2004: 55–58). В целом текст данного пособия опирается на переводы зарубежной социально-психологической литературы, что обуславливает не всегда удачные соответствия и некоторую удаленность от российских реалий. Далее по тексту этой и последующих глав тематизация этнических, расовых или гендерных различий не встречается.

Во введении к пособию "Практикум социального работника" среди качеств специалиста отмечается умение оказывать социальную помощь различным половозрастным, этническим группам населения (*Козлов, Иванова* 2001: 3). Далее авторы дают следующие советы специалисту: "Цени многообразие в людях: грузин – это не русский с черными волосами и смуглым лицом. Мусульманин из Татарии – это не то же самое, что мусульманин из Таджикистана. Опытные специалисты чутко реагируют на различия, но не позволяют себе захлебнуться в многообразии культур, обычаев и традиций людей, обращающихся к ним за помощью..." (с. 108). Метафора "захлебнуться" хорошо передает отношение отечественной социальной науки и практической социальной работы к проблеме культурного многообразия. "Надо помнить, – пишут авторы, – что представители даже одной и той же этнической группы отличаются друг от друга своими физическими и психическими особенностями, степенью своей духовности" (Там же: 133).

В учебном пособии Е.И. Холостовой "Социальная политика" в гл. "Структура, объект и субъект социальной политики" включен параграф "Территориально-государственный тип социальной политики", где в качестве важнейшего обстоятельства, влияющего на реализацию государственной социальной политики, указаны "социально-культурные особенности населения той или иной территории, которые формируют определенные социальные ожидания по отношению к социальной политике, продуцируют специфические формы социальной поддержки" (*Холостова* 2001: 31). Автор приводит пример того, что "в регионах с хорошо сохранившимися формами традиционного поведения распространена семейно-родовая поддержка детей и престарелых, отчего кли-

ентами учреждений социального обслуживания являются в первую очередь представители нетитульного населения" (Там же: сн. 5, с. 31).

Подобная интерпретация, провозглашая культурную самобытность, одновременно приписывает "естественные" культурные отличия индивидам и группам. Не следует ли отсюда приоритет "нетитульного" клиента и игнорирование потребностей укорененного населения? В Великобритании подобные представления о примате культуры над правами человека реализовывались, например, в том, что социальный работник или полицейский принимали как должное насилие в семьях или сообществах этнических меньшинств, полагая, что эти практики здесь "в порядке вещей". Универсальный стандарт прав человека представляет более широкий консенсус в отношении человеческого достоинства, чем любая отдельная культура или традиция (*Эйтон-Шенкер* 1996). Следовательно, культурные различия не должны выступать основанием для дискриминации и ее оправдания: так, дискриминацией считается лишение прав человека на основании присущих ему (или ей) культурных отличий, кроме того, неправомерно лишение или поспание прав человека независимо от культуры нарушителя.

Возникает закономерный вопрос: что же такое "культура", не охватываются ли этим понятием те поведенческие практики, которые с точки зрения другой культуры представляют собой насилие? Иными словами, речь идет о границах культурных прав. Ведь существуют международные культурные права: на участие в культурной жизни, на свободу творчества, собраний и ассоциаций, на свободу мысли, совести или религии, на свободу убеждений и на свободное их выражение, на образование, развитие и распространение культуры, охрану культурного наследия, защиту лиц, принадлежащих к этническим, религиозным или языковым меньшинствам, право пользоваться искусством. Не является ли экстремизм выражением культурного права на свободу выражения убеждений? Дело в том, что право на культуру осуществляется до тех пор, пока его реализация не станет представлять собой посягательство на любое другое право человека, при этом недопустимы такие ссылки на культурные права или такая их интерпретация, которые оправдывают действие, ведущее к нарушению других прав человека и основных свобод.

Особую пищу для размышлений дает учебное пособие Е.В. Черносивтова "Прикладные методы социальной медицины", в котором определяется роль "публичного врача" в разрешении проблем вынужденного переселенца. Публичный врач, по мысли автора, в отличие от юриста и психолога, сможет понять, в каком состоянии психическое здоровье и психологическая защита человека, какова должна быть для него индивидуальная программа адаптации и реабилитации" (*Черносивтов* 2002: 55–56). Более раннее учебное пособие по социальной медицине того же автора затрагивает актуальные для постсоветского пространства проблемы социальной медицины, среди которых – оказание медицинской помощи вынужденным переселенцам (*Черносивтов* 2000: 21–22).

Обсуждая проблемы правового статуса, гражданства, охраны здоровья, занятости и образования беженцев и вынужденных переселенцев, автор выражает удовлетворение усилиями столичных властей: "одним из следствий многолетней работы по регулированию миграционных потоков является, в частности, изменение национального состава вынужденных мигрантов в сторону увеличения удельного веса этнических россиян" (Там же: 79). Судя по контексту, автор имел в виду этнических русских, так как выражение "этнический россиянин" лишено смысла.

В пособии Е.И. Холостовой "Социальная работа с пожилыми людьми" можно встретить территориальную кодификацию этничности при описании опыта социального обслуживания в республике Марий Эл, в Ханты-Мансийском округе, Краснодарском крае (*Холостова* 2002: 204–205, 212–213), которое, впрочем, не приобретает в этом тексте культурной специфики. С одной стороны, социальное обслуживание пожилых людей должно отвечать универсальным принципам прав человека, государственному и региональному законодательству. Напротив, "этнизация политического, подмена гражданского сообщества этническим" означает этноцентристскую трактовку дискриминации (*Малахов* 2002б: 18). С другой стороны, в локальных культурах накоплен значительный опыт помощи пожилым, который может стать полезным ресурсом социального работника или может быть проигнорирован в силу европоцентристских установок специалиста или администратора в организации социальной защиты.

В этой группе анализируемых текстов этничность не выступает эффективным инструментом в методологическом арсенале социальной политики. Предпринимаются робкие попытки уйти от господства макронарративов к микроуровню в анализ и практику социальной работы, однако они фрагментарны, непоследовательны и не опираются на локальные реалии российской истории, культуры и социального опыта. Скорее, импортную идеологию пытаются привнести на российскую почву. Позитивным знаком является маргинальность расизма и ксенофобии в текстах пособий по социальной работе. Одно из объяснений этого явления – то обстоятельство, что профессия и сам институт социальной работы были импортированы в Россию сравнительно недавно, пройдя столетнюю историю критического осмысления проблем социальной политики и рисков поликультурных обществ. В силу этих причин переводной понятийный аппарат дисциплины обладает внутренним иммунитетом к дискурсу нетерпимости, хотя адаптация социальной работы к постсоветским образовательным научным и образовательным институтам производства социального знания сопряжена с определенным сопротивлением консервативной советской идеологии. Это проявляется либо в неполном переводе – когда социальная критика и радикальные социальные идеи пропускаются в ходе их изложения российскими авторами, в пассивном изложении в учебных пособиях политкорректных, но не подкрепленных российскими иллюстрациями идей, в появлении концепций-гибридов, в которых биологизаторские идеи и дискурс нетерпимости переплетены с гуманистическим контекстом, как это обнаруживается, например, в пособиях по социальной медицине.

"Этническая среда" социальной работы

Третья группа учебных пособий представлена шестью изданиями, в оглавлении которых присутствует категория этничности.

В учебном пособии по технологиям социальной работы (Зайншиев 2002) тема этничности звучит в оглавлении книги. Интересующая нас проблематика выражается через тему миграции, которой здесь посвящена глава "Особенности технологии социальной работы с мигрантами", занимающая 11 страниц. Понятия "расовой" или "национальной принадлежности" звучат в законодательном определении "вынужденного переселенца": это "гражданин Российской Федерации, который был вынужден или имеет намерение покинуть место своего постоянного жительства вследствие совершенного в отношении него или членов его семьи насилия или... реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка..." (Там же: 171).

Статус "беженца" связан с темами "гражданство", "натурализация", "депортация" (Там же: 174–175). Далее в главе указанные понятия уже не встречаются, речь идет о целом спектре проблем, на решение которых должен направлять свои усилия специалист: неустойчивость социальных связей, детская беспризорность, девиантное поведение, нужда, стресс и кризис, права, диагноз, помощь и контроль, управление. Социальная работа здесь мыслится в рамках системы с полюсами "забота – контроль" с явным перевесом в сторону контроля.

"Главной задачей социальных служб, так или иначе встречающихся с миграцией в своей работе, – указано в пособии, – является сведение к минимуму тех отрицательных тенденций и последствий, которые она в себе несет. Миграция может стать и благом, и злом, спасти экономику региона или привести к социальному взрыву" (Там же: 180). Оппозиция "благо – зло" по отношению к экономическому измерению миграции согласуется с идеями Д. Голдберга о моральном обосновании идеологии эксплуатации "чужих" "своими" ввиду потребности в дешевом сырье и труде с развитием капитализма (Goldberg 1994).

В учебнике под редакцией П.Д. Павленка имеется глава о "роли социальной работы в нормализации отношений между социально-этническими общностями" (Павленок 1997: 241–252). Сформулировав такую новую для отечественной академической сферы проблему, автор раздела прибегает к архаичной классификации: "Выделяют нации буржуазные, социалистические и нации переходного типа" (Там же: 241).

Сказав, что "этнос – это несоциальное единение людей", автор раскрывает это понятие в сугубо социальных терминах (Там же: 242). В главе делается акцент на антирусской политике ряда новых независимых государств, которая "проявляется, в частности, в дискриминационном характере законодательства <...>, в фактах увольнения с работы по национальному признаку, закрытии русских школ, переводе делопроизводства и вузовского образования исключительно на национальные языки, ущемлении прав коренного населения, их социальной незащищенности, в бытовом шовинизме, в противодействии решению вопросов о двойном гражданстве, получении и обмене жилья, компенсации за оставленное жилье, вывозу движимого и недвижимого имущества, в моральном унижении семей бывших военнослужащих (например, в Прибалтике) и т.д." (Там же: 245). Однако в книге ничего не говорится об ущемлении прав мигрантов и вынужденных переселенцев, а также иностранных граждан в России.

В этом же учебнике есть глава "Миграция и проблемы социальной работы", в которой ключевые слова этничности – это потеря территориальных корней, маргинальность, дезинтеграция и реинтеграция, ущемление прав, в том числе "на жилье, определение этнической принадлежности" и целый ряд прав социального гражданства, зафиксированных во Всемирной Декларации прав человека. Социальная работа с мигрантами раскрывается в аспектах ослабления социальной напряженности (ввиду «негативного отношения к пришельцам» со стороны постоянно проживающего на данной территории населения) через материальную поддержку социальных прав, коммуникативную и информационную поддержку, программы юридической подготовки и переквалификации с особым упором на права человека для различных категорий служащих, в том числе для социальных работников, совершенствование законодательной базы, расширение органов социальной защиты и социального обслуживания, специализацию социальных работников. В главе упоминаются некоторые государственные и общественные организации, на помощь которых должен опираться социальный работник.

Отметим, что новое пособие П.В. Павленка содержит главу "Социальная работа в социально-этнической среде" (Павленок 2004: 121–136), которая воспроизводит текст из пособий прошлых лет.

Учебное пособие "Социальная работа: теория и практика" в главе "Особенности социальной работы в различных сферах жизнедеятельности общества" содержит параграф "Социальная работа в этнической среде" (Холостова, Сорвина 2001: 279–294). По мнению авторов, "в центре внимания" [sic!] этнической среды находятся "социально-этническая общность, социально-этническая группа, человек той или иной социально-этнической группы, общности". Отсюда дается такое определение: "этническая среда – это окружающие человека (слой, группу, общность) общественные, материальные и духовные условия существования, формирования и деятельности" (Там же: 279). Далее воспроизводится тот же текст, что и в пособии под ред. П.Д. Павленка о нациях (буржуазных, социалистических и переходного типа) и народностях. Социальная работа в этнической среде ассоциируется здесь с понятиями "национальные меньшинства", или "социально-этнические меньшинства и группы", а также "малочисленные народы" (Там же: 281, 282). В составе нации и народности предлагается выделять этнографические группы, которые отличаются культурой и языком от основной массы населения.

Современные причины обострения отношений между "социально-этническими общностями" – кризис экономики, нерешенность социальных проблем, гиперинфляция, обнищание народов и разгул преступности, а также политика лидеров новых самостоятельных государств по утверждению приоритета коренной нации над всеми другими, националистически настроенные лидеры движений, негативная роль СМИ, неэффективность управления общественными процессами (Там же: 284). Налицо черты конструирования этнического конфликта, в частности приписывание коллективным образованиям свойств субъекта конфликта, а действиям разных агентов, спонтанным социальным процессам – "этнического" смысла (Ocunov 2002: 54–55). Между тем большинство конфликтов на Северном Кавказе в 1990-е годы носило характер массовых насильственных акций радикально-националистических организаций против национальных меньшинств, но официальные лица, СМИ, активисты этнических организаций называли их "межэтническим противостоянием" (Там же: 47). Речь идет об этнизации политического – когда конфликты интересов толкуются как конфликты происхождения (Малахов 2001: 164).

Учебное пособие по социальной работе предлагает учитывать этнопсихологический и демографический аспекты социальной работы следующим образом: "Для социального работника важным условием правильного построения отношений с различными этническими группами служат выводы социальных психологов о возможностях типизации поведения представителей этих групп... Положение о том, что современная этнопсихология считает одной из основных причин возникновения этнических стереотипов несхожесть этнических характеров" (Курбатов 1999: 488–489), иллюстрируется следующим примером: "русские, проживавшие на пограничных с Кавказом территориях, издавна считали кавказские народы воинственными, зачастую жестокими и хитрыми" (Там же: 490).

Здесь же делается вывод о том, что "социальные и этнические стереотипы зависят от социальных и политических отношений. Манипулирование социальными отношениями через разработку этнических стереотипов, обслуживающих определенную идеологию, становится определяющим фактором социальной жизни в двадцатом столетии" (Там же: 490). К сожалению, автор в этом тексте не обсуждает другие факторы межэтнической напряженности, включая политику построения образа опасного Другого средствами СМИ, экономические и классовые причины конфликтов. Таким образом, поле обсуждения межэтнической конфликтности в значительной степени сужается и порой психологизируется.

Далее автор вводит понятие культурного стереотипа как обобщенного типа поведения, характерного для общества и его представителей, который может создавать трудности для социального работника в процессе оценки потребностей клиента: "Можем ли мы в процессе непродолжительного общения, которое возникает между социальным работником и клиентом, определить, соответствуют ли претензии на социальную защиту жизненно важным потребностям этого человека или же здесь более значительную роль играют формальные поведенческие стереотипы? Такая проблема возникает не только в отношениях между клиентом и социальным работником, но и у каждого человека в его повседневной жизни, поскольку очень трудно различить реальные потребности индивида и укоренившиеся культурные стереотипы поведения" (Там же: 491).

Культурные различия между мигрантами и местными жителями нельзя сбрасывать со счетов, но если специфика тех или иных групп толкуется как раз и навсегда заданное антропологическое свойство (Малахов 2001: 164), то есть риск подмены признаков социального неравенства особенностями культуры. В Малахов называет такую практику культурализацией социального, что выражается в следующем кредо: "мы приветствуем вашу инакость – но при условии, что вы останетесь там, где вы находитесь сейчас и что наше благополучие не потерпит ущерба" (Там же: 162). Этничность, понятая как природная характеристика, представлена как фактор снижения эффективности социального обслуживания и тем самым – как угроза всеобщему благоденствию.

Налицо четкая оппозиция между рациональностью государственной политики и ее агентов, с одной стороны, и "иррациональностью" переселенцев, этнических персонажей, с другой. Люди, демонстрирующие особое с культурной точки зрения поведение, тем самым воспринимаются как низшие, и это обосновано не биологически или исходя из происхождения, а в политических и культурных терминах. Притязания на культурное превосходство автора, выступающего от лица социальных работников, объясняется моральными, социокультурными, правовыми, экономическими причинами. Этнический персонаж здесь лишен тех основных добродетелей, которыми должны отличаться достойные клиенты социальной работы – он непослушен, его традиционность, дезадаптированность и нежелание рационализировать свое поведение ассоциируется с отсталостью и сопротивлением модернизации.

Идея с поселением выходящих из сельской местности в привычной для них обстановке может напомнить искушенному читателю проект заселения вынужденными мигрантами полузаброшенных районов и сел в Европейской части России. Люди из бывших советских республик, среди которых было много представителей интеллигенции и промышленных рабочих, оказались брошенными без достаточной финансовой помощи, подходящей работы, достойных жилищных условий в полуразвалившихся деревнях и маленьких городках.

Учебное пособие "Теория социальной работы" содержит главу "Сексизм и этнизм как факторы дискриминации человека", в которую входит параграф "Этноцентризм и проблемы поддерж-

ки нуждающихся" (Фирсов, Студенова 2000: 329–336). Ключевые понятия параграфа: культура, идентификация, дискриминация и притеснение, стереотипы, инкультурация, социализация, агрессия, предрассудки, проекции, традиционализм, конкуренция на рынке труда. В основном весь параграф посвящен обсуждению различных типологий: классификаций причин этноцентризма и дискриминации, разновидностей этнической самоидентификации и межэтнических отношений, типов дискриминатора. Собственно социальной работе уделяется две страницы, на которых излагаются принципы "взаимодействия с этночувствительными клиентами", представляющие собой антидискриминационную практику, направленную "не только на формирование отношений с клиентом, но и на предотвращение институциональной дискриминации", а также "стратегия полномочий", связанная с активизацией самопомощи, снятием институциональных отрицательных оценок клиента (Там же: 335, 336).

Наибольшее развитие этничность находит в тех редких учебных пособиях, где на иностранном материале излагаются западные теории, поддерживаемые иллюстрациями из западных же исследований. Современные отечественные исследования этничности пока не привлекли внимания авторов учебных пособий, а известные зарубежные теории не преломляются на отечественные реалии.

Диагнозы и замеры этничности

Четвертая группа учебных пособий включает две книги, в названии которых есть категория этничности, а в структуре имеются разделы, связанные с социальной политикой и социальной работой. В учебном пособии "Основы этнической психологии" читаем: "Межэтническим конфликтам всегда сопутствуют вынужденные мигранты. Они главный источник появления в обществе группы лиц, которых называют невротиками-этнофобами. У них снижена фрустрационная устойчивость, затруднены взаимоотношения с широким кругом лиц. В этноконтактных ситуациях они отличаются неадекватностью и иррациональностью поведения. В условиях продолжительной психотравмирующей ситуации невротика-этнофобы пополняют ряды националов" (Платонов 2003: 308–309). Аспекты этничности в этом разделе: "напряженность", "конфликты", "кризисная ситуация", "психическая инфляция", "гиперидентичность", "социальная паранойя". Автор прибегает к медицинским ассоциациям, что позволяет ему усилить аргументацию с экспертных позиций и представить проблему миграции в виде эпидемии. "По уровню гиперидентичности, – пишет автор, – впереди идут вынужденные эмигранты – переселенцы и беженцы. Они невольно разносят микробы национализма за пределы его первичных очагов" (Там же: 309).

В "Приложении" к "Основам этнической психологии" (Там же: 371–429) представлены психологические измерители агрессивности, эмпатии, социальной дистанции, локуса контроля, социометрического статуса, социально-трудовой активности – всего 15 тестов. Методика измерения социально-трудовой активности создана автором учебного пособия и предназначена для измерения социально-трудовой активности полиэтнической группы. Испытуемый, в чьем коллективе работают люди разных национальностей, заполняет тест, отвечая на вопросы о качествах своих сотрудников или подчиненных.

Социально-трудовые качества в этой методике включают целенаправленность, мотивированность, эмоциональность, стрессоустойчивость, коллективность, интегративность и организованность. На наш взгляд, этничность в задачах измерения трудовой активности фигурирует довольно искусственно, поскольку указанные качества могут относиться к любому, не обязательно полиэтническому коллективу.

В учебном пособии по этнополитологии заявляется, что важнейшая задача этой отрасли политической науки – установить связь между биологическим и социальным в этнической природе человека (Этнополитология 2001: 12). "Что в нем от матери-природы, а что – от характера социальных отношений?", – вопрошает автор, который далее рассуждает о таких вопросах, как национальные движения, этничность и власть, права человека и защита национальных меньшинств, ни разу так и не обратившись к "биологическим" компонентам этнической природы человека.

Ни в одном из проанализированных пособий не обсуждаются опыт ущемления, дискриминации, современный российский расизм. Реальные этнические проблемы российского общества подменяются рассуждениями об угрозах, исходящих от опасных мигрантов.

Выводы

В проанализированной нами учебной литературе представлены перекликающиеся между собой варианты примордиалистской, в том числе марксистской и эволюционно-исторической концепций этничности. Квалификация атрибутов этничности в поле социальной политики и социальной работы включила следующие градации модальности текста: культурная специфика, социальная проблема, права человека.

Практические последствия такого теоретического выбора дают о себе знать в этом символическом континууме, где смысловая атрибуция этничности осуществляется с различной степенью обеспокоенности относительно общественной безопасности и порядка. Такая тревога, достигнув определенного уровня, выражается в обосновании необходимости принятия тех или иных мер, политических реформ или пересмотра существующих регуляций. Модальность тем самым варьирует от нейтральных символов культурных вариаций к правам на труд и социальное обеспечение и до необходимости регуляции, контроля, применения силы. Модификации этничности представлены в следующих смысловых аспектах: миграция, конфессия, традиция, культура, территориальность (как место компактного проживания или государственность).

Этнические персонажи квалифицируются как особые клиенты системы социального обслуживания, в принципе способные к интеграции, но и выступающие источником реальной угрозы или потенциальной социальной опасности. Как правило, эта квалификация фокусируется на статусе мигранта, принадлежности к культурной группе, к типу семьи без внимания к таким параметрам статуса, как пол, возраст, образование, профессия, доход. Понятие этничности практически всегда применяется в дихотомическом пространстве мы/они, и этот контраст может быть обусловлен конкретной социальной системой или государством-нацией в негативных категориях (нерусские, нетитульные) или с помощью других бинарных оппозиций (например, реальные vs. "культурно стереотипные" потребности). Описание направлений социальной политики и форм социальной работы затрагивает такие смысловые аспекты этничности, как миграционная политика и социальная работа с мигрантами, культурная специфика социальных отношений в "этнической среде", религиозные программы работы с заключенными, традиции социальной помощи и социального контроля.

В дискурсе учебной литературы отсутствуют последовательная база и технологии антидискриминационной мультикультурной социальной работы, социально критической и эгалитарной позиции, но присутствуют биологический и культурный детерминизм, "бесцветность" или слепота в отношении проблемы этнического неравенства, непоследовательность и бессистемность описания аспектов этничности. Если речь идет о социальной работе, то предлагаются формальные указания, далекие от конкретной практики. И хотя в проанализированных учебных пособиях отсутствует язык расизма и исламофобии, однако в некоторых изданиях происходит символическое утверждение доминирующих этнических атрибутов – конфессии, традиций, культуры, истории.

Сегодня растет число исследований, которые концептуализируют этничность в условиях современного трансформирующегося общества. Контекстуализация этнических идентичностей становится многомерной, включая социальный, экономический, политический, гендерный и классовый компоненты. Между тем в проанализированных изданиях пока что никак не используются новые исследования этничности и расизма в России и СНГ, хотя в ряде из них привлекаются переводы зарубежных учебных материалов, международные и отечественные законодательные документы, этические кодексы.

Учебные тексты по социальной работе и социальной политике пока что не создают базу, необходимую для минимального уровня компетентности в области прав человека, поскольку не способствуют распознаванию в общественной и политической жизни индивидуальной, групповой и институциональной дискриминации людей по признакам расы, цвета кожи, пола, языка, религии

и слабо ориентируют на познание различий и уважение инаковости, формирование толерантности. Тем более что пока не выполнены задачи оптимального уровня, на котором формируются готовность и навыки самостоятельного поиска способов преодоления предрассудков и дискриминации, установления недискриминационных отношений с людьми, знание способов реализации и защиты прав человека на разных уровнях. Налицо еще не реализованный потенциал позитивной и негативной пропедевтики.

Если этнокультурные различия принимаются как данность, как нечто само собой разумеющееся, то многие социальные проблемы трактуются как следствие инаковости. В этом случае мигранты оказываются этнически другими, культурно и социально неадекватными именно по причине собственной нетипичности, тогда как социальные структуры и агенты, влияющие на производство и воспроизводство социального неравенства, уходят на второй план. Речь идет и о таких структурных и институциональных факторах, как безработица и теневая экономика, низкий профессионализм работников службы миграции и других социальных служб, ошибки в социальных проектах, усугубляющие неравенство, несоответствие риторики социальной политики и реальности тех проблем, с которыми сталкивается мигрирующее население и этнические меньшинства.

Именно поэтому, на наш взгляд, к концепциям мультикультурализма и толерантности необходимо добавить измерение социальной критики, которое открывает антидискриминационную перспективу социальных отношений. Сегодня говорят о границах толерантности, называя в качестве точки отсчета то государственные интересы, то интересы меньшинств, порой забывая о том, что государство и группа не должны подавлять права человека. Тогда толерантность к иному вряд ли может обойтись без такого принципа, как "нетерпимость к несправедливости". Критическая позиция, умение отстаивать свои права и достигать справедливости, – свойства, которые развиваются только в условиях гражданского общества и, в частности, посредством подготовки специалистов в сфере помогающих профессий, государственной службы и управления.

Литература

- Антипьева* 2002 – *Антипьева Н.В.* Социальная защита инвалидов в Российской Федерации: правовое регулирование: Учеб. пособие. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2002.
- Гулина* 2004 – Психология социальной работы / Ред. М.А. Гулина. М.; СПб.: Питер, 2004.
- Жуков, Галагузова* 2002 – *Жуков В.И., Галагузова М.А.* Социальная работа с осужденными: Учеб. пособие. М.: МГСУ, 2002.
- Зайнышев* 2002 – Технология социальной работы: Учеб. пособие для студентов вузов / Ред. И.Г. Зайнышев. М.: ВЛАДОС, 2002.
- Золотарева, Минингалиева* 2001 – *Золотарева Т.Ф., Минингалиева М.Р.* Основы психологической самопомощи социального работника: Учеб. пособие. М.: МГСУ, 2001.
- Климантова* 2004 – *Климантова Г.И.* Государственная семейная политика современной России: Учеб. пособие. М.: Дашков и К°, 2004.
- Козлов, Иванова* 2001 – *Козлов А.А., Иванова Т.Б.* Практикум социального работника. Ростов н/Д: Феникс, 2001.
- Кузьмин, Сутырин* 2002 – *Кузьмин К.В., Сутырин Б.А.* История социальной работы за рубежом и в России (с древности до начала XX века). М.: Академический проект, 2002.
- Курбатов* 1999 – Социальная работа / Ред. В.И. Курбатов. Ростов н/Д: Феникс, 1999.
- Макашева, Калиникова* 2002 – *Макашева З.М., Калиникова И.О.* Социальный менеджмент: Учеб. для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
- Малахов* 2001 – *Малахов В.* Культурный плюрализм versus мультикультурализм // *Малахов В.* Скромное обаяние расизма и другие статьи. М.: Модест Колеров и Дом интеллектуальной книги, 2001.
- Малахов* 2002а – *Малахов В.* Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2002.
- Малахов* 2002б – *Малахов В.* Преодолимо ли этноцентричное мышление? // Расизм в языке социальных наук / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетейя, 2002.

- Мардахаев 2001 – Мардахаев Л.В. Социально-педагогическая реабилитация детей с ДЦП: Учеб. пособие. М.: МГСУ, 2001.
- Маршинин 2002 – Клиническая психология в социальной работе: Учеб. пособие / Ред. Б.А. Маршинин. М.: Academia, 2002.
- Медведева 2002 – Медведева Г.П. Этика социальной работы. М.: ВЛАДОС, 2002.
- Мельников, Холостова 2002 – Мельников В.П., Холостова Е.И. История социальной работы в России: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Маркетинг, 2002.
- Никитин 2002 – Никитин В.А. Социальная работа: проблемы теории и подготовки специалистов: Учеб. пособие. М.: Московский психолого-социальный институт, 2002.
- Никитина 2003 – Никитина Л.Е. Социальная педагогика. М.: Академический проект, 2003.
- Осипов 2002 – Осипов А. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс // Расизм в языке социальных наук / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетей, 2002.
- Павленок 1997 – Основы социальной работы: Учебник / Отв. ред. П.Д. Павленок. М.: Инфра-М, 1997.
- Павленок 2004 – Павленок П.Д. Теория, история и методология социальной работы. Избранные работы 1991–2003: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Дашков и К°, 2004.
- Платонов 2003 – Платонов Ю.П. Основы этнической психологии: Учеб. пособие. СПб.: Речь, 2003.
- Рагозин 2002 – Рагозин Н. Принцип интеркультуральности в преподавании прав человека: методические проблемы // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2002.
- Стандартные правила 1993 – Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов. Приняты Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций на ее сорок восьмой сессии 20 декабря 1993 года (резолюция 48/96).
- Уолцер 2001 – Уолцер М. О терпимости. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.
- Федотова 2001 – Федотова Л.Н. Анализ содержания – социологический метод изучения средств массовой коммуникации. М.: Научный мир, 2001.
- Фирсов 2001 – Фирсов М.В. История социальной работы в России: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: ВЛАДОС, 2001.
- Фирсов, Студенова 2000 – Фирсов М.В., Студенова Е.Г. Теория социальной работы: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: ВЛАДОС, 2000.
- Фирсов, Шапиро 2002 – Фирсов М.В., Шапиро Б.Ю. Психология социальной работы: содержание и методы психосоциальной практики: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Academia, 2002.
- Холостова 2001 – Холостова Е.И. Социальная политика: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2001.
- Холостова 2002 – Холостова Е.И. Социальная работа с пожилыми людьми: Учеб. пособие. М.: Дашков и К°, 2002.
- Холостова, Дементьева 2002 – Холостова Е.И., Дементьева Н.Ф. Социальная реабилитация: Учеб. пособие. М.: Дашков и К°, 2002.
- Холостова, Сорвина 2001 – Социальная работа: теория и практика: Учеб. пособие / Отв. ред. Е.И. Холостова, А.С. Сорвина. М.: ИНФРА-М, 2001.
- Черносвитов 2000 – Черносвитов Е.В. Социальная медицина: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: ВЛАДОС, 2000.
- Черносвитов 2002 – Черносвитов Е.В. Прикладные методы социальной медицины. М.: ВЛАДОС, 2002.
- Эйтон-Шенкер 1996 – Эйтон-Шенкер Д. Проблема прав человека и культурное разнообразие//www.un.org/russian/topics/humanrts/annivers/diversit.htm
- Этнополитология 2001 – Этнополитология: Учеб. пособие-хрестоматия / Сост. и автор вступ. ст. В.А. Тураев. М.: Ладомир, 2001.
- Goldberg 1994 – Goldberg D.T. Racist Culture. London; Cambridge, Mass.; Oxford, UK, 1994.